

Юрий Силоч

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С36

Иллюстрация на переплете *DAFNA (Дарья Кутовая)*
Леттеринг *Виктории Лукьяновой*

Силоч, Юрий Витальевич.
С36 Рыцарь пентаклей / Юрий Силоч. — Москва :
Эксмо, 2026. — 480 с.

ISBN 978-5-04-216126-1

Обмануть обманщика — настоящее искусство!

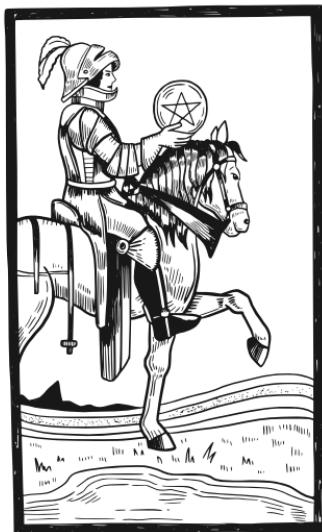
Мошенник Орди случайно освобождает череп старого короля, пять сотен лет тлевший в кургане. Его величество Тиссур — склочный и бескомпромиссный «артефакт» своего времени, жаждущий отомстить предателю и вернуть себе трон, — обещает Орди древнее сокровище взамен на помощь.

У горе-дуэта нет ни денег, ни армии, да и благословенный город Брунеген сильно изменился за годы регентства. Как бороться с вековыми предубеждениями и бюрократией? Хитростью, наглостью и честным брунегенским судом!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Силоч Ю., текст, 2026
ISBN 978-5-04-216126-1 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Добро пожаловать
в Брунеген, столицу Великого Регентства!
Почему Регентства? Потому что королей у нас
уже лет пятьсот как нет. И не слушайте вы эти враки
про мальчишку, который нашел в кургане говорящий че-
реп и теперь помогает ему вернуть трон. И Безумных
Пророков тоже не слушайте, они всякого наговорят —
и про наступающую тьму, и про тайные общества.
Нет у нас ничего такого. Зато в здешних болотах даже
грязь может стать золотом, если вы понимаете,
о чем я. Так что если ты умен, хитер и умеешь
пускаль пыль в глаза, то точно не пропадешь.
Главное — не сбиться с правильного пути.*

ГЛАВА 1

—Когда батюшка умер, я почувствовал это за многие мили. — Длинная ладонь с тонкими пальцами судорожно сжала коричневый жилет возле сердца. Такая ладонь могла бы принадлежать музыканту, хирургу или аристократу, но принадлежала очень странному субъекту.

Невероятно тощий, оборванный, нескладный, покрытый россыпью алых прыщей — он выделялся решительно всем. Даже в комнате, набитой клоунами всех видов и расцветок, этот человек бросился бы в глаза и на мертво врезался в память. Он стоял на единственном в округе возвышении, коим оказалась виселица, и громогласно вещал, время от времени одергивая короткую мантию из рыжей собачьей шкуры. Голову оратора венчала громадная медная корона с разноцветными стекляшками. Специально для тех немногих, кто умел читать, ее украшала надпись: «КАРОЛЬ».

— Поэтому, когда гонец привез письмо, я уже знал, что прочту... Мой отец... умер... — В конце фразы голос

очень натурально дрогнул, усиливая эффект от грамотно расставленных пауз. Толпа ахнула, дородные крестьянки принялись утирать рукавами первые слезы. — А я даже не успел с ним проститься! — проникновенно воскликнул субъект, простирая руку куда-то вдали.

Жизнь Регентства последние несколько лет не была богата событиями. Более того, она ими совсем обнищала. Уже давненько не случалось ни войн, ни чумы, ни солнечных затмений, ни кардинальных реформ, ни дворцовых переворотов, поэтому народ заскучал даже в столице. То есть не то чтобы люди в Великом Брунегене совсем прекратили грызть друг другу глотки за место под солнцем, просто сейчас они делали это с ленцой и частыми перерывами на чай.

Спокойствия почтенных селян слишком долго ничего не возмущало, и те были вынуждены день за днем слушать одни и те же байки и обсуждать одни и те же происшествия. Ассортимент развлечений, и без того скучный, сократился до самых банальных вещей: алкоголь, драки, мелкие бытовые дрязги и слухи. Последние из-за долгих пересудов обрастали диковинными подробностями и чудовищно видоизменялись.

Народ яростно хотел, чтобы произошло хоть что-то. И он это «что-то» получил в виде стоявшего на виселице юнца с неплохими актерскими способностями.

— Я должен был как можно скорее вернуться домой, — продолжал молодой человек. — Я знал: без меня начнется смута. Те, кто окружал отца, начали бы резать друг друга за право сесть на трон! Началась бы ужасная война! Брат пошел бы на брата! Отец на сына! Поля усеяли бы кости убитых, а над городами и селами не угасало бы зарево пожаров!..

Он жестикулировал словно художник, решительными мазками рисующий апокалиптическую картину, — и крестьяне ее видели. В широко распахнутых глазах го-

рели отблески подпирающих небеса пожаров и уходили за горизонт костяные поля.

— Я простился с верными друзьями и мудрыми учителями, а последний вечер провел, — пауза, опять идеально рассчитанная пауза, — ...с моей любимой. Мы оба знали, что я не вернусь и нам не суждено будет встретиться, но понимали, что королевский долг выше любых чувств! Ах, эта тяжкая-тяжкая ноша — знать, что от тебя зависят жизни тысяч простых людей! Кем я был бы, если б бросил их на произвол судьбы?

Поглазеть на представление, несмотря на будний день, пожаловала целая толпа. Вместо обычной для такого времени стайки куриц и лохматого пса, лаявшего на всех подряд, собралось все село, включая маленьких детей и пару оборванных бродячих гномов, промышлявших заточкой ножей, кос и топоров. Даже единственный представитель власти — глухой на одно ухо старый гренадер с седыми усами и деревянной ногой — отставил в сторону незаряженное ружье и пытался уловить голос тощего «принца» здоровой барабанной перепонкой.

— Тотчас же я выехал, чтобы принять престол! Быстрые кони несли мою карету как ветер, я был все ближе и ближе к дому, но!.. — Юноша профессионально нагнетал атмосферу и вдруг замер на полуслове, заставив множество сердец пропустить удар. Псу, начавшему снова брехать, отвесили пинка, и тот убежал под ближайшее крыльце. — ...Но меня ограбили.

По площади прокатился негромкий гул голосов, суть которых сводилась к фразе: «Да как же так можно-то?»

— Лихие люди под покровом ночи остановили карету, убили всех моих слуг и угнали коней! Даже праздничную одежду — и ту забрали!

В тишине послышался негромкий перестук копыт и скрип колес — это на центральную улицу въезжала под-

вода, груженная мешками зерна. Говоря по справедливости, на самом деле ею управляла гнедая лошадь, хорошо знающая дорогу и достаточно тактичная для того, чтобы не будить древнего старика, который спал, сжав вожжи в шишковатых натруженных ладонях. Позади него на мешках сидел чумазый растрепанный мальчуган, плевавшийся во все подряд горохом из деревянной трубочки.

— Я уговорил их оставить мне только одну вещь. Корону!

Над площадью пронесся звук одновременного вдоха множества людей.

Чрезвычайно впечатленные селяне стояли раскрыв рты, на их лицах можно было прочитать написанные крупными буквами слова: «Вот это да!» История, рассказанная прыщавым принцем в медной подделке, определенно нашла путь к сердцам слушателей.

— И сейчас... — Рука простерта вдаль, умоляющий взгляд. — Сейчас я вынужден просить вас о помощи! Мне нужно только добраться до дома и вступить на престол, и тогда — о, тогда я не забуду старых долгов! За каждую монету, которую вы дадите мне сейчас, я готов вернуть вам пять. Нет! Десять полновесных золотых монет! Я щедро награжу тех, кто помог мне в трудный час!

Люди зашептались, совещаясь, и принялись как бы невзначай охлопывать карманы.

— Клянусь могилой отца!.. — В принципе, дело уже было сделано, и «принц» мог больше ничего не говорить, но последние слова помогли ускорить принятие правильного решения. Это было сродни химии: интерес нужно лишь подогреть до определенного градуса, и вскоре толпа начнет распалять саму себя.

Не прошло и минуты, как площадь преобразилась. Личности пошустрили, резонно опасаясь лишиться своей части наживы, не выдержали первыми и принялись лок-

тями прокладывать дорогу к виселице. Карточный домик здравого смысла пошатнулся и рухнул. Люди двинулись вперед, к юноше потянулись первые руки, раздались вскрики: «У меня! У меня возьми!»

Те, у кого денег с собой не оказалось, побежали домой — откапывать кубышки. Крестьяне словно сошли с ума. Вчерашние друзья и соседи отпихивали друг друга, лишь бы всучить фальшивому наследнику престола заветные кругляшки. Собственно говоря, это был уже не обман: люди вполне искренне хотели расстаться с деньгами.

— Нет-нет-нет! — неожиданно запротестовал принц. — Записать! Нужно обязательно все записать, чтобы я знал, кому сколько должен!

Гомон стих, но лишь на мгновение. Крестьяне молча переглянулись и тут же вытолкали вперед стеснительно-го рыжего мужичка в рясе — служку храма Всех Богов и единственного грамотного человека в селе. В два счета ему организовали большой лист бумаги, перо с чернильницей — и процесс пошел. Монеты звенели, юноша, стараясь держаться подальше от люка виселицы, складывал их в карманы, размашисто подписывал векселя и сердечно благодарил каждого, иногда позволяя себе пустить слезу. Наиболее предприимчивые женщины успели сбегать домой и вернуться с глиняными кувшинами, полными молока, и караваями, которые вручали взамен на обещание возврата денег по курсу один к пятнадцати.

...А старая кобыла тем временем все тащилась и тащилась к площади, пока не остановилась перед толпой. Телега вздрогнула, старик проснулся, мальчишка, заметив это, молниеносно спрятал трубку. Возница поднял глаза, протер их, сладко зевнул, неторопливо потягиваясь и хрустя старыми костями, а затем спросил у группы мужиков, обрадованных удачным вложением средств:

— Чегой-то? Принц?

— Принц, дед, принц, — кивнул селянин: здоровый, с огромной рыжей бородищой и лицом, испещренным осинами. — Сам не видишь, что ль? Из королевства... Как его там? — Он обернулся к своим друзьям.

Друзья пожали плечами.

— У-у, — протянул дед. — Надо же, как быстро все потратил.

— Не потратил, а ограбили, — влез щуплый мужичонка, сутулый, с клочковатой бородой и изогнутый, казалось, сразу во все стороны. — Вот вернет он мне деньги — коня куплю...

— Что? Опять? — встрепенулся дед. — Ай-яй-яй, что делается...

— Ой, ехай уже, — отмахнулся изогнутый.

Но рыжий здоровяк его осадил:

— В смысле — опять?

— Что делается, ты смотри... — Возничий зашокал языком. — Разбойников ведь тут отродясь не водилось. Я еще как ты был, ездил в Брунеген зерном торговать, сейчас-то уже дорогу не осилю, не то что раньше, а вот... — Дед скрипучим голосом принял участие рассказывать одну из старческих историй — непонятных, не имеющих конца и постоянно перескакивающих с одной сюжетной линии на другую.

Рыжий пытался вклиниваться и периодически кряхтел, открывал рот и говорил что-то вроде «а вот» или «слушай», но все было бесполезно. Некоторые пожилые люди имели свойство пускаться в длительные рассуждения, которые невозможно было прервать без грубости, и хозяин телеги был как раз из их числа. Изогнутый пришел на помощь:

— Дед, в смысле — опять ограбили?

— Кого? — Старик вынырнул из счастливого прошлого и очутился в отвратительном настоящем с соответствующими последствиями для настроения.

— Принца!

— Какого?

Изогну́тый выругался.

— Вон того! — перехватил инициативу Рыжий.

— Что «того»?

В этот раз выругались уже все. Еще пара минут ушла на то, чтобы вернуть деда к изначальной теме разговора и объяснить, что к чему.

— Ну так да. Мы ему третьего дня тоже денег собирали, а его опять, значить... ограбили! Второй раз за неделю! Что делается-то, а?..

— Не путаешь? — напрягся Рыжий.

— Да как же спутать? Морда прыщавая, шкура, корона... Как есть он. — Возница полез в карман пропыленных штанов. — Во! — Он развернул обрывок бумаги с цифрой и расписью. Рыжий достал свой вексель и потратил какое-то время на сравнение количества крючков, палочек и завитушек.

Юноша уже успел дожевать хлеб, распихать полученные деньги по карманам, взвалить на плечо тощий мешок и сейчас судорожно допивал молоко, отчего острый кадык скакал по горлу вверх-вниз, когда над площадью прогремел медвежий рев:

— Держи его!

Опытный «принц», моментально осознавший, что его раскрыли, не стал тратить время на оправдания, а тут же пустился наутек, бросив за спину кувшин, от которого во все стороны полетели брызги молока и глиняные черепки.

Рыжему потребовалась всего пара крепких фраз, чтобы провести разъяснительную работу, и вскоре за самозваным принцем мчалась вся его недавняя публика, вооруженная садовым инструментом и выдернутыми из заборов жердями.

Очень быстро село осталось позади, и опальный наследник престола вырвался на залитую солнцем равнину. Пейзаж перед ним простидался прекраснейший: рыжая лента дороги рассекала надвое сочную зелень полевых трав и ре-

деньского леса. Чуть поодаль солнечные блики играли на зеркальной глади близкой реки, берег которой усеивали ряды странно одинаковых холмов, покрытых густым ельником.

Юноша добежал до резкого поворота, после которого дорога повела его к курганам — по вершине глубокого и мрачного оврага, на дне которого, невидимый из-за кустов и подлеска, журчал ручей.

«Принц» мчался изо всех сил и имел все шансы избежать кары: богатый опыт и частота упражнений делали свое дело. Сердце пело, деньги звенели и приятно оттягивали карманы, в боку кололо из-за съеденного и выпитого, а быстрые молодые ноги уносили фальшивого наследника прочь от возмездия. Юноша успел неплохо изучить психологию погони и понимал, что для большинства река станет той границей, за которой преследование потеряет всякий смысл. Это было поводом для радости, поскольку до вожделенного моста оставалось совсем немного.

Молодой человек уже прикидывал, на какое время ему хватит крестьянских сбережений, однако, как часто бывает в таких ситуациях, совершил единственную, но критическую ошибку. Зачем-то — и в будущем юноша часто спрашивал себя: «А действительно, зачем?» — он решил посмотреть, как далеко находятся преследователи. Это решение и оказалось роковым: незамеченная выбоина, камень, боль, громкий вскрик — и «принц» покатился кубарем, глотая дорожную пыль. Мешок полетел в одну сторону, корона — в другую, монеты веером рассыпались по дороге.

Крестьяне, возглавляемые рыжим здоровяком, воспряли духом и ускорились, открыв второе дыхание.

— Ай-яй-яй, — быстро тараторил юноша, ползая на четвереньках и лихорадочно пытаясь собрать как можно больше денег. — Ай-яй-яй... — но расстояние между ним и крестьянами неуклонно сокращалось. «Принц» решительно ничего не успевал.

Поднявшись, он сделал пару шагов, но вскрикнул от боли: в лодыжку словно вонзили острое тонкое шило.

— Ай-яй-яй, — продолжил напевать молодой человек, покрывшись потом и судорожно соображая, что делать. — Ай-яй-яй...

А сельчане — красные, взмокшие, не привыкшие к долгим забегам и оттого еще более злые — приближались с неотвратимостью разогнавшегося кабана.

Выбор был невелик: либо прямо по дороге, но ужасно медленно, либо в крутой овраг, рискуя сломать себе шею, но быстро и с возможностью выиграть немного времени. Несмотря на очевидную самоубийственность второго варианта, «принц» предпочел его и, продолжая кричать, но уже не «ай-яй-яй», а нечто непристойное, шагнул вниз.

Юноша прекрасно понимал, что безопасно и безболезненно съехать на пятой точке у него не выйдет, а потому ничуть не удивился, когда покатился кувырком по крапиве, прошлогодней прелой листве и сухим хвойным веткам, которые оставляли жуткие царапины. Земля колотила по бокам не хуже крестьянских жердей, а мир перед глазами вращался словно в калейдоскопе. Цветные пятна крутились все быстрее, пока не превратились в круги и кольца.

И тогда прозвучал хруст. Хорошенько взболтанный мозг воспринял его как нечто из другого мира — отдаленное и не имеющее к реальности никакого отношения. На какую-то долю мгновения юноше показалось, что он летит, но потом сильный удар вышиб из легких остатки воздуха.

Будто сквозь подушку «принц» слушал чьи-то стоны, пока не пришло осознание, что стонет он сам.

Спустя какое-то время стало полегче. Юноша, напряженно охая, попытался вспомнить, как обращаться с сознанием и конечностями, и достиг определенных успехов. Вскоре он почти сумел сфокусировать зрение и сде-